

ГЛАВА 1. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО

Фронт приближался к Ленинграду.

Вдоль железных дорог, по шоссе, лесными тропинками и напрямик по болотам возвращались ленинградцы домой с оборонных работ. Вперемежку с ними шли беженцы. Бросив родные места, уходили они от врага целыми семьями, с малолетними детьми на руках, с громадными узлами. Измученные, запылённые, шагали они, понурив головы, в Ленинград, надеясь там найти защиту и кров.

В другую сторону, навстречу немцам, двигались воинские части и отряды народного ополчения.

Фашистские самолёты то и дело появлялись в воздухе, сбрасывая бомбы на дороги и поливая свинцом толпы беженцев. Услышав нарастающий гул самолётов, пешеходы шарахались в лес, ложились в канавы. И снова шли вперёд, как только самолёты скрывались.

Три молодые девушки-студентки шагали босиком по пыльной просёлочной дороге. На привале к ним присоединились двое пожилых мужчин с чемоданчиками. Один из них, однорукий инвалид гражданской войны, был с весёлым характером, болливый и предупредительный. Другой, наоборот, всю дорогу хмурился, о чём-то сосредоточенно думал

и ни с кем не разговаривал. Дядя Петя, как назвал себя однорукий, беспрерывно рассказывал смешные истории и анекдоты, расспрашивая девушек об их жизни до войны, об учёбе и о Ленинграде. Он отпускал злые шутки вслед немецким лётчикам, называя их «колбасниками», и, казалось, совсем не обращал внимания на настроение своего спутника. А тот мрачнел всё больше и больше, чем ближе подходили они к Ленинграду.

К вечеру, лесными тропинками, они прошли Сиверскую и остановились отдохнуть.

— Пойдём-ка со мной, — сказал однорукий приятелю, заметив его злой взгляд.

Не оглядываясь и не повторяя приглашения, он углубился в лес.

Хмурый прислонил свой чемодан к дереву и неохотно поплёлся следом за своим товарищем. Вскоре студентки услышали их громкие голоса. Слов они не могли разобрать, да особенно и не прислушивались к чужому спору. Спор вдруг оборвался. Минут через десять хмурый вышел из леса один и, взяв свой чемодан, предложил девушкам двинуться дальше.

— А где же дядя Петя? — спросила одна из них.

— Он нас догонит.

Вышли на шоссе, но однорукий не появлялся. Хмурый молча шёл то впереди, то отставал на несколько шагов, часто оглядываясь по сторонам. Темнота наступила быстро. Сзади на горизонте видны были зарева пожаров и какие-то вспышки. Глухо доносились раскаты пушечной стрельбы. На

повороте хмурый сошёл с дороги и крикнул уходящим вперёд девушкам:

— Не торопитесь... Я сейчас.

Девушки не придали значения этим словам и продолжали быстро шагать дальше. Вдруг раздался отчаянный крик. Девушки услышали в темноте какую-то возню и хриплый мужской голос:

— Настя!.. Помоги!.. Сюда-а!..

Настей звали одну из студенток. Она была старше и решительнее своих подруг.

— Это наш! — сказала она. — Что такое? Пошли, девчата.

Все трое быстро побежали в обратную сторону.

Хмурый был ещё жив, но говорить уже не мог. Он захлёбывался своей кровью. Настя успела разобрать только одно слово: «чемодан». Нож вошёл в его грудь по самую рукоятку, и прежде чем девушка нащупала её, всё было кончено. Хмурый их спутник умер.

Перепуганные, растерявшиеся, стояли они над трупом, не зная, что им делать дальше. Последние дни они видели много ужасного. Им приходилось много раз наскоро перевязывать раненых, и некоторые умирали у них на руках, но там они знали причину смерти и видели убийц на самолётах. Это же убийство было совершено с какой-то таинственной целью, неизвестным лицом.

— Чемодан! Он сказал: «чемодан», — в раздумье промолвила Настя. — Девчата, ищите-ка чемодан.

Девушки обшарили в темноте асфальт и обочину дороги возле трупа, но чемодана не нашли. Нельзя

было терять времени на поиски. Они оставили убитого на дороге и пошли. Пройдя шагов двадцать от места преступления, Настя, шедшая с краю дороги, споткнулась обо что-то твёрдое и ушибла палец. Она нагнулась и в темноте разглядела контуры чемодана. Ушедшие вперёд подруги остановились.

— Ты что?

— О камень споткнулась, — громко сказала Настя и подняла чемоданчик.

Почему-то ей подумалось, что лучше пока молчать про её находку. Вокруг чемодана есть какая-то тайна, и, кто знает, может быть, убийца следит за ними и слушает, притаившись где-нибудь поблизости.

В полной темноте, по нагретому за день асфальту, шли молча три подруги, всё время ускоряя шаги. Одна сказала:

— Может быть, дядю Петю тоже убили?

— Всё может быть, — отозвалась Настя.

— У него тоже был такой же чемоданчик.

— Молчите вы...

— Что-то я боюсь, девочки...

Чемодан был тяжёлый, словно там лежало железо. Он оттягивал руку, и всё-таки Настя терпеливо несла его в город.

* * *

...Всё это она, сильно волнуясь, рассказала сейчас майору государственной безопасности, сидя перед ним в кожаном кресле.

Майор, ещё не старый человек с седыми висками, внимательно выслушал рассказ девушки и задумался. Чемодан, принесённый Настей в Ленинград и полученный им вчера вечером, стоял около письменного стола.

— Значит, дядю Петю вы так и не видели больше? — спросил майор.

— Нет. Я боюсь, что его тоже убили.

Майор как будто не слышал этой фразы.

— Убитый тоже называл его дядей Петей?

— Не помню... Нет! Он, кажется, никак его не называл. Вообще убитый был странный человек. Он всё время молчал. Мы сначала думали, что он немой.

— Как он выглядел?

— Кто? Убитый?

— Как выглядел убитый, я уже знаю. Меня интересует однорукий.

— Он был невысокого роста... бритый... немолодой уже...

— Сколько же ему было лет, на ваш взгляд?

— Я думаю, лет сорок... ну, сорок пять. Волосы у него были коротко подстрижены... Ах да!.. Во рту два золотых зуба... Вот, кажется, и всё.

— Как он владел рукой?

— Очень хорошо. Просто мы даже удивлялись, как он ловко всё делает одной рукой.

— Во что он был одет?

— Костюм... синий и, кажется, не новый. Да разве там разберёшь? Всё в пыли...

– Вы не заметили у него часов?

– Да, были. Он часто на них смотрел.

Майор открыл письменный стол, достал мужские карманные часы, чёрные с золотым ободком, и, чуть приподнявшись в кресле, положил их перед девушкой.

– Такие? – спросил майор с улыбкой.

– Это они и есть. Точно такие же... Это они.

– А разве у убитого не было часов?

– Кажется, нет... А впрочем, не помню.

– По дороге, в разговорах между собой, они не называли никаких адресов?

– Дядя Петя как-то сказал, что у него есть родные в Ленинграде, но кто они и где живут, – не сказал.

– Так. Я попрошу вас всё, что вы мне рассказали сейчас, написать на бумаге. Постарайтесь припомнить всякие подробности, мелочи... Чем питались ваши спутники... Вспомните цвет глаз, волос инвалида... Словом, решительно всё, что вы запомнили.

– Хорошо, – девушка кивнула головой.

– Пойдёмте со мной.

Они вышли из кабинета. В конце коридора майор открыл дверь и жестом пригласил Настю войти.

– Располагайтесь, как дома. Если хотите отдохнуть, вот диван – пожалуйста, не стесняйтесь. Здесь обед, – сказал майор, указывая на судки, стоявшие на столе. – Если вам что-нибудь понадобится или вы закончите работу, позвоните мне по телефону, а главное – постарайтесь вспомнить всё как можно подробнее. «Дядя Петя» меня очень интересует.

Майор государственной безопасности вернулся в кабинет и раскрыл чемодан, который принесла ему девушка. Там лежала карта Ленинграда. Он разложил её на столе и занялся изучением разноцветных пометок. Он обратил внимание на три крестика. Это были оборонные объекты на Петроградской стороне. Внизу была сделана надпись: «Первые чётные числа недели. Второй эшелон. Зелёные цепочки с северной стороны».

Кроме карты, в чемодане лежали длинные алюминиевые патроны, по форме похожие на охотничьи. На патронах были ярко-зелёные полоски. Майор снял с телефона трубку и набрал номер.

Через несколько минут в кабинет вошёл молодой человек в штатской одежде.

— Товарищ майор государственной безопасности, по вашему приказанию...

— Да, да. Вот в чём дело, товарищ Бураков. Возьмите этот патрон, поезжайте за город, разрядите из немецкой ракетницы где-нибудь в воздух и посмотрите, что это за пиротехника. Вероятно, — зелёные цепочки.

ГЛАВА 2. МИША АЛЕКСЕЕВ

Мать не возвращалась домой. На четвёртый день Миша Алексеев пошёл на завод узнать, что с ней случилось. Там ему сказали, что бомба попала в цех, где она работала, и её увезли в тяжёлом состоянии в больницу. В больнице сообщили, что Алексеева Мария умерла в тот же день, не приходя в сознание.

Вернувшись домой, Миша сел к окну и задумался. Его четырёхлетняя сестрёнка Люся возилась у своей кровати с тряпочной куклой. Лицо и руки у девочки были перемазаны сажей, грязное платье надето задом наперёд, волосы спутаны и растрёпаны. Три последних дня Миша не замечал этого, но сейчас, когда почувствовал ответственность за судьбу сестрёнки, сердце у мальчика сжалось. «Никого теперь у неё нет, кроме меня», — подумал он и сказал:

— Люся, у нас нет больше мамы.

— Мама пошла на работу, — ответила девочка не оглядываясь.

— Мама больше не придёт, Люся.

Вспомнилось, как отец, уезжая на фронт, похлопал его по плечу и, нагнувшись, тихо сказал: «Ты теперь большой, Михаил. В случае чего, матери помогай. Я на

тебя надеяться буду. В пятнадцать лет я уже деньги зарабатывал».

— Миша, дай карандашик, — попросила девочка.

Миша пошарил в карманах и среди осколков, патронов, собранных за последние дни, нашёл огрызок карандаша и дал его сестрёнке. Та вытащила спрятанный клочок бумаги, положила его на подоконник и, забравшись на колени к брату, начала усердно рисовать какие-то каракули. Миша смотрел в окно, слушал, как девочка сопит носом от усердия, и думал. За окном завывала сирена.

— Вот! Миша! Слушай, — сказала девочка и потянулась к окошку.

Улица зашевелилась, как разворошённый муравейник. Люди с сумочками, с мешками для продуктов побежали в разных направлениях, чтобы поспеть домой, пока дежурные с красными повязками на рукавах не заставили их укрыться в подворотнях и в подвалах. Миша узнал своих приятелей, проскочивших в одну из парадных дверей. Там был ход на чердак, и он знал, что ребята полезли на крышу. Ему тоже захотелось присоединиться к ним, но сестрёнка сидела на коленях, и сейчас ему жалко было оставить её одну.

Где-то далеко захлопали зенитки.

Миша думал: родных в Ленинграде не осталось. В такое трудное время ему не прокормить сестрёнку. Сам он не пропадёт. Но что делать с девочкой?

Неожиданная мысль мелькнула в голове и, после короткого колебания, превратилась в решение.

– Собирайся, Люська, – решительно сказал он, спуская сестрёнку на пол.

– А зачем?

– Гулять пойдём. Бери своих кукол, всё собирай.

Девочка некоторое время стояла в нерешительности, наблюдая, как Миша разложил большой платок и из комода стал вытаскивать её платья, чулки, бельё. Сообразив, что они куда-то пойдут, она захлопотала и принялась одевать тряпочную куклу.

– Мы к маме пойдём. Да, Миша?

– Да, да. Собирайся живей. Ничего не оставляй. Где твои валенки-то? – говорил он, торопливо укладывая её вещи.

Потом он взвалил узел с вещами на плечо, взял девочку за руку и, закрыв комнату на ключ, вышел из дому.

Тревога уже кончилась. Всю дорогу Люся оживлённо болтала, спрашивала о чём-то брата, но он не слушал её. Выйдя на Пушкарскую, Миша остановился перед большим домом.

– Вот и пришли. Ты здесь будешь жить, Люшенька, а я к тебе в гости буду ходить. Поняла?

– Да.

Они поднялись по лестнице.

Заведующая детским садом внимательно выслушала мальчика.

– Как твоя фамилия? – спросила заведующая.

– Алексеев Михаил.

– Почему же ты привёл её именно к нам?

– А я раньше, когда маленький был, каждый день сюда ходил. Только тогда другая заведующая была.

– Может быть, в другом доме ей лучше будет?

– Нет. Я сюда ходил, пускай и она здесь останется. Да вы не думайте, что я насовсем её оставлю. Разве я Люську брошу?.. Мне бы только сначала устроиться, а потом жить мы будем вместе.

Из-за дверей доносился шум детских голосов. Ребята недавно вернулись из подвала, куда спускались по тревоге, и, видимо, делились впечатлениями. Всё это было ново для Люси, и она, прижавшись к коленям брата, молчала и широко открытыми глазами оглядывала незнакомую обстановку.

Заведующая, улыбнувшись, сказала:

– Пускай будет по-твоему. Оставляй свою сестру. Карточки взял?

Миша положил на стол продуктовые карточки.

– Как зовут сестру?

– Людмила.

– Сколько лет?

– Четыре года.

– На чьём иждивении находится?

– Теперь, значит, на моём.

– Адрес?

Когда всё было записано и оформлено, позвали воспитательницу – взять девочку.

Время было прощаться. Миша нагнулся к сестрёнке. В горле стоял комок, глаза его покраснели.

– Люленька, ты тут не озорничай, слушайся тётю. Я буду в гости приходить. В обиду никому не давайся, а в случае чего – мне скажи.

Девочка молча кивала головой в знак согласия. Чмокнув в нос сестрёнку, Миша вышел из комнаты. На улице он потянулся, вдохнул всей грудью холодный осенний воздух и зашагал домой.

Теперь можно было подумать и о себе.

ГЛАВА 3. «ЗАЖИГАЛКИ»

На крышу дома Мишка с двумя приятелями при-тащил доску, несколько кирпичей и устроил около трубы скамейку. Тревоги следовали одна за другой, и, как только раздавался вой сирены, ребята вылезали через слуховое чердачное окно на крышу и занимали наблюдательный пост на своей скамейке.

Весь город был перед ними как на ладони. Неподалёку виднелась Петропавловская крепость, за ней — Исаакиевский собор, влево за Невой поднималось над крышами высокое бетонное здание НКВД, ещё левее — водонапорная башня, трубы ГЭС, купола Смольного.

Ребята считали себя полными хозяевами крыши и всех осколков, падающих на неё.

Однажды вечером из слухового окна вылез ещё один доброволец — высокий плотный мужчина в коричневом пальто.

Мишки не было, и два молодых пожарника встретили незнакомца недоброжелательно, не зная, как поступить с ним. Отправить без разговоров вниз или подождать Мишку? Пускай тот сам решает.

— Здорóво, воробыи! — приветливо поздоровался незнакомец. — А вы тут устроились славно. На скамеечку можно присесть?

– Тут Мишкино место.

– Ничего. Придёт Мишка – я встану.

С этими словами незнакомец подсел к ребятам и, вытащив из кармана папиросы, предложил им:

– Курите!

Васька взял две папиросы. Одну сунул в рот, другую протянул Стёпке. Закурили. Незнакомец ребятам понравился, и не потому, что он «купил» их папиросой, а глаза его понравились. В голосе, в жестах незнакомца чувствовалась большая уверенность в себе, и в то же время он был какой-то простой, доступный.

«Не задаётся», – подумали ребята.

– Хорошо тут, – сказал незнакомец. – И видно далеко. Только над головой я бы вам крышу советовал устроить. Зенитный осколок может прилететь.

– Не прилетит, – твёрдо заявил Васька.

– Смотри! Если прилетит, второго ждать не придётся.

– А вы тоже в пожарники записались? – ревниво спросил Стёпка.

– Я сегодня выходной, вот и поднялся посмотреть.

Вначале разговор клеился плохо, но скоро оживился. Незнакомец стал расспрашивать ребят о их жизни. Узнал, что оба они живут в этом доме, что у Васьки Кожуха мать на казарменном положении при заводе, а у Стёпки Панфилова работает в охране и по ночам дежурит. Рассказали ребята про

школу, про управхоза, про Мишку, на месте которого сидел незнакомец. Смертью Мишкиной матери и его сестрёнкой он особенно заинтересовался. Чем больше говорили ребята, тем больше им хотелось рассказывать, потому что такого внимательного, отзывчивого слушателя они встретили впервые. Обычно взрослые, с которыми они встречались, не слушали их, а если и слушали, то не проявляли никакого интереса к тому, что говорили ребята. Этот же, наоборот, спрашивал сам и слушал с таким живым интересом, что не замечалась разница в годах. Может быть, он и на самом деле забыл, что у него седые волосы на висках, вспомнил своё детство и с удовольствием болтал с мальчиками?

— Ну, развязали языки! — неожиданно раздался Мишкин голос.

Они не заметили, как он появился на крыше и некоторое время прислушивался к разговору.

— Ага! Чувствую, что главный начальник пришёл. Садись. Я твоё место занял, — сказал незнакомец вставая.

Мишка нахмурил брови, оглядел его с ног до головы и сел на скамейку. Незнакомец молча перешёл к другой трубе и стал смотреть в сторону Финляндского вокзала.

— Кто такой? — тихо спросил Мишка.

— Не знаю. Не с нашего дома. Я его первый раз вижу.

— А может, он пожарник из МПВО? — сделал предположение Стёпка.

Это было вероятно. Последние дни часто приходили всякие инспектора и начальники проверять подготовку дома к обороне.

Незнакомец вернулся к ребятам.

— В обязательном порядке сидите на крыше или так... добровольно?

— А тебе какое дело? — обрезал Мишка.

— Вот так раз! Трудно ответить? — удивился незнакомец.

— Пойди спрашивай управхоза, если надо...

— Ага! Значит, это военная тайна.

Мишка почувствовал в тоне насмешку и решил не разговаривать. В это время загудели в разных концах города заводы, пароходы на Неве, ручные сирены в домах, и сейчас же захлопали зенитки.

Незнакомец посмотрел на часы и сказал:

— Прилетели, как по расписанию.

Сумерки сгущались. Город притаился. Гулко и нервно щёлкал метроном по радио, и щёлканье это ещё больше подчёркивало наступившую тишину. Лучи прожекторов шарили по небу, перекрещивались, красные вспышки разрывов осветили горизонт несколько раз подряд.

— Бомбит, — сказал Мишка. Мужчина стоял молча, облокотившись на трубу.

В это время зенитки открыли огонь в другой стороне города, и ясно донёсся гул летевших самолётов. Приближался второй эшелон бомбардировщиков. Гул нарастал, и вместе с ним нарастала стрельба. Заговорили пушки, расположенные на кораблях и по